

УДК 94 (4)

БЫТИЕ МИФА ОБ ОРФЕЕ И АРГОНАВТАХ В АНТИЧНОЙ И РЕНЕССАНСНОЙ ТРАДИЦИИ: ОТ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ДО ИСТОРИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ

© 2019 г.

Ю.С. Обидина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

basiley@mail.ru

Поступила в редакцию 13.01.2019

Рассматриваются миф об Орфее, повторно открытый в эпоху Ренессанса, и исторические особенности бытия и переосмысления образа легендарного античного поэта и теолога в более поздних социокультурных контекстах. Из двух сюжетов мифа, традиционно используемых авторами античной эпохи и эпохи Возрождения, рассматривается миф об Орфее и аргонавтах и формы интерпретации этого мифа в интеллектуальной жизни Ренессанса. С этой целью проводится анализ произведений античных и ренессансных авторов, на основании которых мифологические образы Орфея эволюционировали до различного рода исторических архетипов. Сделан вывод о том, что миф об Орфее и аргонавтах, в отличие от мифа об Орфее и Эвридике, интерпретировался ренессансными авторами не только в форме моральных аллегорий, но и как мощный архетип цивилизационного процесса в истории человечества.

Ключевые слова: Орфей, «Аргонавтика», Валерий Флакк, Джованни Понтано, аргонавты, Ренессанс.

Образ Орфея, пожалуй, один из самых проторечивых в интеллектуальных студиях, начиная со второй половины XIX в. и по сей день. Нет однозначной трактовки этой фигуры, которая уже в древности стала легендарной и служила для реализации различных целей в разные исторические эпохи.

В эпоху Возрождения философы, поэты, музыканты и интеллектуалы вернули к жизни традиции древней Греции. Этот период интеллектуального и художественного возрождения обогатился целым корпусом древних текстов, появившихся после краха Константинополя в 1453 г. Греческие тексты, которые были потеряны или известны лишь во фрагментах, были вновь открыты и переведены и впервые стали доступны Европе.

Повторное открытие мифической фигуры Орфея в эпоху Возрождения – яркий пример того, как интеллектуальная и художественная археология того времени породила новые формы выражения в искусстве, новое понимание учения древних философов и новые подходы к интеграции древней мудрости с религиями и верованиями того времени.

Древнегреческие источники мифа сосредоточиваются на Орфее как на мистическом певце и богослове, рассказывающем о происхождении вселенной и богов через гимны и музыку. Наряду с Гомером, Гесиодом и Пиндаром Орфей почитался как величайший из греческих поэтов. Будучи богословом, он был посвящен в мистерии древнего Египта и привнес эти священные традиции в Грецию. Не случайно М. Нильссон

[1] и У. Гатри [2] рассматривали фигуру Орфея не только как основателя собственного культа со своим учением, но и как прообраз христианской мысли.

По словам неоплатоника Прокла [3], Орфей олицетворял источник всей греческой религии. В греческой религии и философии музыка была тесно связана с созданием космоса, а также сущностью души. Это лучше всего иллюстрируется в платоновском диалоге «Тимей» [4], который, возможно, имел пифагорейское и орфическое происхождение.

Сведения об Орфее и его мифе мы находим в *Argonautica* Валерия Флакка [5], рассказывающей о приключениях Ясона и аргонавтов в их поисках Золотого руна. Певец Орфей защищает аргонавтов от опасных песен сирен, играя на своей лире и исполняя песни. *Argonautica* также содержит космогонические гимны и упоминает о путешествии Орфея в Египет.

Миф об Орфее передавали и другие римские авторы – Овидий [6], Вергилий [7] и Гораций [8]. И в «Метаморфозах» Овидия, и в «Георгиках» Вергилия главное внимание уделено спуску Орфея в подземный мир, чтобы вернуть свою любовь, Эвридику, из царства Аида, после того как она умерла от укуса змеи в день их свадьбы. В *Ars Poetica* Горация Орфей изображается как несущий цивилизацию людям. Он первый поэт, который «смягчает каменные сердца зверей и людей» и направляет их на путь цивилизации.

Миф об Орфее впитался в возникающую христианскую традицию, как это видно из римского погребального искусства и богословских

сравнений Орфея с Давидом и Моисеем. В ранней христианской традиции Орфей был вновь представлен как языческий пророк, который предвосхитил пришествие Христа. Позднее, в средние века, миф об Орфее будет пересказан в форме моральных аллегорий. В этот период письменное знание священных, мистических и богословских учений орфической традиции было утрачено, поскольку христианская церковь подавляла и уничтожала языческие религиозные традиции. Ренессанс принес новое открытие оригинальных классических мифов и более ранних источников, что привело к новой оценке роли Орфея, которую он играл до слияния с христианской традицией. Возрождение классических источников было инициировано Козимо Медичи, флорентийским правителем пятнадцатого века, который выступил в качестве мецената для перевода большого количества классических античных произведений с греческого языка на латынь, что сделало ряд оригинальных источников доступными для Запада впервые за тысячу лет.

При поддержке Козимо Медичи во Флоренции была возрождена Платоновская академия. Наставником академии Козимо назначил Марсилио Фичино. Фичино перевел труды Платона, *Corpus Hermeticum* и тексты философов-неоплатоников – Порфирия, Плотина и Ямблиха. Цель Фичино состояла в том, чтобы примирить платонизм с христианством через переводы, комментарии и сочинения, такие как *Platonica Theologia de immortalitate animorum* [9] (Платоновская теология бессмертия душ) и *De vita libri tres* [10] (Три книги жизни). Благодаря возрождению платонической мысли Фичино стал одним из ведущих основоположников духовного и культурного возрождения эпохи Ренессанса. В образе Орфея Фичино нашел воплощение своей философской миссии – он заново открыл основателя мистерий, которые использовали музыку и гимны для посредничества между небом и землей, принося цивилизацию, искусство, культуру, любовь и мир человечеству.

Миф об Орфее был передан культуре Возрождения наряду с аллегорическими интерпретациями, которыми поздняя древность и средневековые наполнили два основных эпизода Орфической легенды: участие Орфея в экспедиции аргонатов в Колхиду за Золотым руном и спуск Орфея в Аид, чтобы вернуть свою мертвую жену Эвридику [11; 12, р. 90]. Самым популярным образом Орфея в эпоху Возрождения в Италии был образ Орфея-цивилизатора, созданный Боккаччо в его *Genealogie deorum gentilium libri* (V, XII.2). Однако образ Орфея-теолога был также знаком эпохе Возрождения,

который нашел отражение у Петрарки, Боккаччо, Салутати и, прежде всего, у Фичино. Предполагаемые орфические сочинения, переведенные Фичино, обосновали эту теологическую интерпретацию легендарного поэта, ставшего одним из главных представителей так называемого «древнего богословия». Благодаря Фичино, Орфей считался одним из великих предшественников Платона и был тесно связан с Гермесом Трисмегистом. Легенда об Орфее не могла быть отделена от герметического менталитета позднего кватроченто.

Миф об Орфее уникален тем, что каждая эпоха находила в нем отражение своего мировоззрения. На сегодняшний день существует большое количество работ о роли мифа об Орфее как в древности, так и в последующей традиции. Большинство из них связывают образ Орфея с духовным стимулом культуры и искусства эпохи Возрождения. Л. Марроне указывал на значимость образа Орфея для итальянского драматического искусства [13]. А. Бёк пошел дальше в своих исследованиях и показал роль мифа об Орфее в становлении ренессансных традиций в Италии [14]. Г. Вильгельм проанализировал орфические истоки поэзии Данте [15]. Дж.Б. Фридман посвятил свое исследование роли Орфея и его мифа в средневековой культуре [16]. Д.П. Уолкер проследил влияние мифа об Орфее на богословские концепции, уделяя особое внимание христианскому платонизму XVI–XVIII вв. [17]. Н. Пирротта исследовал и сравнивал образ Орфея в драме Анджело Полициано «Сказание об Орфее» и опере Клаудио Монтеверди «Орфей» [18], поскольку они задали тон классическому европейскому искусству. А. Дюпон-Соммер рассмотрел миф об Орфее с точки зрения влияния Орфея на животный мир и распространение этих идей в иудаизме, христианстве и исламе [19]. Б. Ханнинг изучал влияние мифа об Орфее на становление поэзии и музыки эпохи гуманизма [20]. К. Капусан рассматривал образ Орфея как постоянный мотив лирики эпохи Возрождения [21]. Обобщающий труд о метаморфозах мифа об Орфее вышел в свет в 1982 г. в Торонто [22]. В качестве наиболее значимых и комплексных исследований, изданных в последние годы, необходимо указать работу Л. Ритвелд 2007 г. «Триумф Орфея: судьба Орфея в Италии от Данте до Монтеверди», в которой автор проанализировала становление образа Орфея в древности и его трансформацию в мифологический образ эпохи кватроченто и художественный топос эпохи квинквеченто [23]. Как видно даже из краткого перечисления основных работ, изданных в XX в., образ Орфея практически не

рассматривался применительно к конкретным историческим сюжетам. К сожалению, в российской исторической науке миф об Орфее и его рецепция и вовсе не нашли своего отражения. И если один из сюжетов мифа об Орфее – спуск в царство мертвых за своей возлюбленной Эвридикой в различных вариациях был обыгран в европейском сценическом, литературном, музыкальном искусстве, то ни в зарубежных, ни тем более в российских исследованиях не ставился вопрос о роли Орфея в походе аргонавтов, в котором Орфей, согласно античной традиции, принимал активное участие. В отличие от растиражированного мифа об Эвридике, вдохновившего художников, поэтов, музыкантов и драматургов, образ аргонавтов трактовался в несколько ином мировоззренческом ключе. Таким образом, цель данной статьи – показать трансформацию образа Орфея в античной и ренессансной традиции в контексте легенды об Орфее и аргонавтах, опираясь на сведения античных авторов и тексты эпохи Возрождения.

Наиболее полным ренессансным текстом, содержащим интерпретацию роли Орфея в плавании аргонавтов, является сборник *Lyra* Джованни Понтано. *Lyra* – коллекция сочинений в сапфических строфах, написанных в течение длительного периода времени, которая была завершена, но еще не отредактирована к 1503 г., году смерти Понтано, и вышла в свет в 1505 г. в издании Пьетро Саммонте [24]. В *Lyra* Понтано представляет два самых важных достижения жизни Орфея: его выдающуюся роль в экспедиции аргонавтов (11. 1–48) и его победу над богами Аида (11. 49–112). Здесь нет никаких явных намеков на другие аспекты мифа Орфея, такие как его насильственная смерть и расчленение от рук менад, которую описывает, например, Полициано в его *Fabula di Orfeo* (322–400) [25].

То, что сразу привлекает внимание в *Lyra* – это цивилизационное влияние поэзии и музыки, символизируемое властью Орфея над всеми существами, встреченными им на море и в царстве смерти. Подобная интерпретация легенды появляется еще в сборнике *De Sermone* Понтано [26], составленном в 1499 г. и отредактированном в последующие годы. Здесь Орфей упоминается как пример божественных поэтов, которые приводили диких людей из зверского к человеческому образу жизни (*De Sermone. Lib. VI*) [27]. Понтано указывает на аллегорический смысл способности, приписываемой Орфею, подчинять себе леса и животных, живущих в них: *ob hoc ipsum Studium putatus est Orpheus silvas cantu traxisse post se animaliaque illas incolentia* (*De Sermone. Lib. VI*) [28].

Тем не менее *De Sermone* даже не упоминает лиру Орфея, в то время как сам сборник *Lyra* построен вокруг музыкального инструмента, выбранного Саммонте в качестве общего названия всего сборника. Лира, упомянутая в пятой строке, является центральной частью красочной картины корабля Арго, рассекающего море, и Орфея, исполняющего гимны под аккомпанемент своего инструмента (*Lyra*, 11. 1–8).

Фигуре Орфея Понтано приписывает иератический характер, как видно из описания Орфея в качестве жреца Аполлона (*sacer Phoebi... sacerdos*). Из строк 17–18 мы узнаем, что Орфей, одетый в пурпурные одежды, символизирующие его достоинство, стоит на корме корабля (в своем диалоге *Aegidius*, составленном в 1501 году, Понтано изобразил аналогичным образом своего друга Санназаро, который путешествовал морем, чтобы сопровождать короля Неаполя во Францию) [29, р. 21–35; 30, р. 200–210; 31, р. 25–42]. Великолепная игра лиры Орфея привлекает морских существ из их прозрачных глубин. Нереиды показывают свои мокрые головы и исполняют свои танцы под музыку Орфея. В этом разделе своего стихотворения Понтано использует два основных античных источника: *Argonautica* (I, 470–472) Валерия Флакка [32] и *Thebaid* (V, 335–345) Стация [33].

У Валерия Флакка Орфею поручено руководить с помощью своей музыки гребцами корабля Арго. Орфей, похоже, выполняет задачу утешения и вдохновения аргонавтов: «С высокой кормы фракийский певец в утешении небесной судьбы и страшных жизненных страданий исполняет своим товарищам мелодию, приносящую исцеление и облегчение: как только он взял свою лиру, горе, гнев и усталость рассеялись, а сладкая память о детях исчезла» (*Argonautica*, V, 85–89).

Что касается Стация, то он рисовал увлекательный образ Орфея, поющего на корабле Арго, возвышающегося над морем, как выкорчеванный остров или разорванная гора: «Но, когда весла взмахнули в воздух, а воды затихли, с судна донесся голос, слаще голоса умирающих лебедей или крылатого Феба, и море само приближало корабль. После этого мы узнали, что Орфей, сын Эагра, пел, прислонившись к мачте, стоя среди гребцов и велел им больше не знать тяжких трудов» (*Thebaid* V, 335–345).

Понтано владел рукописью *Argonautica* Валерия Флакка и, конечно, был знаком со Стацием, писателем, широко известным со времен средневековья, в то время как Валерий Флакк был заново открыт Поджо Браччолини только в начале XV в. Тем не менее в тексте Флакка и Понтано встречаются некоторые расхождения.

В отличие от Понтано, Валерий Флакк приписывает иератический характер не Орфею, а Мопсу и Идмону. Интересно отметить, что Флакк в перифразе, намекающем на Орфея, использует слово *pius*: *pius Oeagri claro de sanguine vates* (*Argonautica*, IV, 348). С другой стороны, Гораций определяет легендарного поэта прилагательным *sacer*: *sacer interpresque deorum... Orpheus* (*Ars Poetica*, 391–392). Вероятно, подражая Горацию, Понтано использовал термин *sacer*, который Саммонте, возможно, доверяя авторитету Валерия Флакка, заменил на *pius* [24, р. 33]. Понтано, однако, обязан Валерию Флакку представлением о морских существах, покоренных музыкальным талантом Орфея, хотя *Argonautica* (V, 39) упоминает только тюленей: *Odrysio gaudebant carmine phocae*. Очевидно, Понтано комбинировал сведения, содержащиеся у Флакка, с данными поэмы Катулла (LXIV, 12–18), которая отражает удивление nereид, когда они впервые увидели корабль Арго: «Когда он рассекал носом ветреное пространство, и волна, взбитая веслами, стала белой с хлопьями пеной, из вспенивающейся волны моря выглядывали nereиды в глубоком удивлении от диковинной вещи» [34].

Орфей отсутствует на картине, нарисованной Катуллом, который не показывает nereид в танце, а только выходящими из воды. В то время как Понтано просто упоминает их мокрые головы (*hudum caput*), Катулл предлагает чувственный образ их обнаженной груди: «В тот день... смертные увидели своими глазами морских нимф, выходящих из серого прилива, с обнаженными телами до пояса» (LXIV, 12–18). Изображение nereид, привлеченных к поверхности моря музыкой Орфея, также использовалось Понтано в его *Urania*, начатой в 1475–1476 гг. и завершенной в 1495–1496 гг. Там Понтано упоминает мокрых nereид, резвящихся между волнами под звуки инструмента Орфея:

*Illa Lyra est. Sentis tremulis ut fluctibus hudaе
Ad numerum saliant Nereides? (Urania III,
1312–1313).*

Первая часть *Lyra* завершается вдохновенным увещанием Орфея своим товарищам аргонавтам (11. 34–44). Это символизирует возвышение их труда, через который они станут равными богам. Влияние Орфея на аргонавтов чрезвычайно велико. Он разжигает новую добродетель, горящую как пламя в их сердцах:

*Talibus vates. Ibi coepit ingens
Ardor heroas, novus urit ignis
Pectora, accendit nova fiamma aventis
Et nova virtus (Lyra 11. 45–48).*

Любопытным является тот факт, что *Lyra* перекликается с *Urania* Понтано, которая также

касается двух основных эпизодов мифа Орфея: экспедиции аргонавтов и спуска в Аид. *Urania* представляет астрологические коннотации легенды, лишь намекнув на Боккаччо: *Lyra autem... in celum assumpta et inter alias celestes ymagines locata est* (III, 1310–1379). Понтано следует примеру *Astronomica* Манилия [35], поэмы, почитаемой его другом Лоренцо Бонинконтри, известным астрологом. В *Astronomica* Манилий связывает созвездие Лиры с мифической фигурой Орфея: «среди звезд можно увидеть Лиру, раскинувшую руки на небесах, с которой Орфей очаровал все, чего достигала его музыка, пробиваясь даже к призракам мертвых и заставляя законы ада уступать его песне... тогда она влекла за собой леса и скалы, теперь она ведет за собой звезды и убегает прочь с огромного шара вращающегося неба» (I, 324–330).

В *Astronomica* (324–328) Манилий, описывая восхождение Лиры, снова ссылается на миф об Орфее («однажды с ней Орфей, сын Эагра, привел сон к волнам, чувство к камням, слух к деревьям, слезы к Плутону и, наконец, превзошел смерть») и подчеркивает силу созвездия, придающую музыкальный талант людям, родившимся под его влиянием.

Учитывая тот факт, что *Urania* (III, 1310–1379) предлагает своего рода план для *Lyra*, можно предположить, что Понтано приписывал мифу об Орфее не только литературное значение, но и астрологическое, инкапсулированное в традиции магии, усиленно защищаемое самим Понтано от притеснений Джованни Пико делла Мирандола [36, р. 229–253]. У Понтано Орфей символизирует не только поэзию, музыку и красноречие, но и орфическую магию, работающую через музыку и голос, которая была аналогом талисманной магии, действующей через визуальные образы [37, р. 78–79]. Другими словами, Понтано рассматривал миф об Орфее и как иллюстрацию того или иного вида магии, основанной на *vis verborum*, состоящей не только из поэзии и ораторского искусства, но и из заклинаний, а также из *vis musices*, состоящей из пропорций и чисел, которые были связаны с гармонией сфер и симпатической магией [38, р. 75–84].

Миф об Орфее принадлежал к сложной герметической системе, которая придавала ему множество значений. Была распространена ассоциация экспедиции аргонавтов с алхимическим поиском, а Золотое руно интерпретировалось в качестве поэтической фантастики, намекающей на превращение металлов в золото [39, р. 23–25]. Алессандро Каррери выразил подобную точку зрения в диссертации по алхимии, адресованной великому князю Тосканы в

1579 году, а Чезаре делла Ривьера причислял Ясона и Орфея к героям магии в своей *Il Mondo Magico de gli Heroi* [40, р. 13–15].

Такая алхимическая интерпретация плавания аргонавтов была настолько распространена в эпоху Возрождения, что Николас Гиберт взял на себя труд опровергнуть ее в своей книге *De Interitu Alchemiae* (1614) [41].

Хотя Понтано, похоже, не осознает тот факт, что фигура Орфея была тесно связана с алхимией, он не преминул указать на пророческое, а также на астрологическое измерение орфической легенды. Музыкальный талант Орфея совершает чудо сокращения расстояния, отделяющего людей от богов, поскольку это позволяет аргонавтам добыть Золотое руно, соответствующее Овну, которое показывает на небесах его *auratum... villum (Urania, II. 66)*. Овен был созвездием, под знаком которого протекал Золотой век, когда люди наслаждались невинной и счастливой жизнью, близкой к природе и заветам богов:

*Hoc olim dominante, novi sub origine mundi,
Et felix aetas, et libera secla fuere.*

*Non hominum certae sedes, nonnulla deorum
Formido.*

*Natura illis tectumque laremque Praebeat.
Qua se Oceano nox acta ferebat,
Carpebant fessi somnos, et membra locabant,
Aut antro tecti, aut nemorum frondentibus
umbris (Urania, II. 246–252).*

Таким образом, экспедиция аргонавтов равнозначна стремлению к нравственному совершенству, воплощенному в мифе о Золотом веке, не менее знакомом Понтано и Санназаро, чем Ландино и Фичино. Это тот культурный контекст, который мы должны иметь в виду, чтобы понять отрывок из *Lyra*, в котором Орфей призывает своих товарищей упорствовать в своих усилиях, благодаря чему они станут равными богам:

*Vos labor primos hominum, diis vos
Reddet aequales; labor et deorum
Coetui adiungens sola salsa ponti
Subdet et auras (I. 37–40).*

Поскольку миф о Золотом веке подразумевает циклический взгляд на историю, завоевание Золотого руна представлялось Понтано как эпизод вечного возвращения. Кроме того, Овен был домом Марса, как видно из *Urania: Haec sedes, haec est generosi regia Martis (II. 162)*. Это обстоятельство объясняло, почему народы Северной Европы, подверженные совместному воздействию Овна и Марса, оказались настолько воинственными. Такое мнение, выраженное Понтано в *Urania (V. 114–241)*, показывает, что климатическая теория, касающаяся различных

характеристик европейских народов, имела у него астрологическую основу. Другими словами, судьба германских народов, разрушивших римскую цивилизацию, была укоренена в звездах. Вновь астрология оказалась неразрывно связана с историей, поскольку она позволила Понтано понять тех северных европейцев, которые привлекали внимание итальянских писателей в эпоху Ренессанса и после [42, р. 135–155]. Если проследживать астрологические коннотации мифа об Орфее, то станет понятно, что взгляд Понтано на единство поэзии, риторики и истории был основан на донаучной космологии, опирающейся на магию.

Таким образом, мы наблюдаем существенное расхождение в трактовке мифа об Орфее в средневековом социокультурном поле [43]. Если философия Фичино была основана на интерпретации божественной сущности Орфея и осознании его роли в становлении монотеистических религий и придании божественных коннотаций искусству эпохи Возрождения, то философия, лежащая в основе трактовки мифа об Орфее Понтано, – это реализация цивилизационного процесса, символизируемого Орфеем, философия, которой впоследствии Галилей бросил вызов, но не смог победить.

Миф об Орфее резонирует во времени как мощный архетип, потому что он показывает, как искусство, поэзия и музыка могут быть использованы для соединения нескольких сфер существования: мирского и небесного, живого и мертвого, сознательного и бессознательного, хаотичного и гармоничного, мужского и женского, личного и космического. Мост создается резонансами, разделяемыми между этими сферами посредством гармонии, эмоций и воображения. Благодаря работе философов, художников, поэтов и музыкантов эпохи Возрождения этот мост был восстановлен и сохранен для будущих поколений, чтобы они смогли открыть миф об Орфее для себя.

Список литературы

1. Нильссон М. Греческая народная религия. СПб.: Алетей, 1988. 218 с.
2. Гатри У.К.Ч. История греческой философии в 6 томах. Т. 1. Ранние досократийцы и пифагорейцы. М.: Владимир Даль, 2016. 863 с.
3. Proclus. The Elements of theology. Oxford: Oxford University Press, 1963. 349 p.
4. Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.
5. Gajus Valerius Flaccus. Argonautiques [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/valeriusflaccus.html> (дата обращения: 18.12.2018).

6. Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / Пер. С.В. Шервинского, вступ. ст. С.А. Ошерова. М.: Худож. лит., 1983. 512 с.
7. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979. 547 с.
8. Horatius Flaccus, Quintus. *Ars poetica*. Leipzig: Martin Landsberg, 1492. 16 p.
9. Marsilius Ficinus. *Theologia Platonica de immortalitate animae (Platonic Theology)*. V. 1–6. Harvard University Press, 2001–2006.
10. Marsilius Ficinus. *De vita libri tres (Three Books on Life, 1489)* trans C.V. Kaske, J.R. Clarke. Tempe, Arizona: The Renaissance Society of America, 2002. 507 p.
11. Boccaccio G. *Genealogie deorum gentilium libri*. Ed. V. Romano. Bari: Laterza, 1951. Vol. 2. P. 433–908 p.
12. Warden J. Orpheus and Ficino // *Orpheus: The Metamorphoses of the Myth*. Toronto: University of Toronto Press, 1982. P. 90–238.
13. Marrone L. Il mito di Orfeo nella drammatica italiana // *Studi di Letteratura Italiana*. 1922. № 12. S. 119–259.
14. Buck A. *Der Orpheus-Mythos in der italienischen Renaissance*. Krefeld: Scherpe, 1961. 35 S.
15. Wilhelm J. Orpheus bei Dante // *Medium Aevum Romanicum: Festschrift für H. Rheinfelder*, eds. H. Bihler and A. Noyer-Weidner. Munich: Hueber, 1963. P. 397–406.
16. Friedman J.B. *Orpheus in the Middle Ages*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970. 267 p.
17. Walker D.P. *The Ancient Theology: Studies in Christian Platonism from the Fifteenth to the Eighteenth Century*. London: Duckworth, 1972. 276 p.
18. Pirrotta N. *Li due Orfei: Da Poliziano a Monteverdi*. Torino: Einaudi, 1975. 472 p.
19. Dupont-Sommer A. *Le mythe d'Orphée aux animaux et ses prolongements dans le judaïsme, le christianisme et l'islam*. *Accademia Nazionale dei Lincei: Problemi attuali di scienza e di cultura*, 214. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1975. 14 p.
20. Hanning B.R. *Of Poetry and Music's Power: Humanism and the Creation of Opera*. *Studies in Musicology*. Series 2. № 13. University of Michigan Press, 1980. 268 p.
21. Capusan C. Orfeu: motivul permanentei in lirica Renasterii. Cluj-Napoca: «Dacia», 1978. 244 p.
22. Orpheus. *The Metamorphoses of a Myth*. Toronto: University of Toronto Press, 1982. 238 p.
23. Rietveld L. C. J. *Il trionfo di Orfeo: la fortuna di Orfeo in Italia da Dante a Monteverdi* Amsterdam: in eigen beheer. 2007. 445 p.
24. Monti Sabia L. *La Lyra di Giovanni Pontano, edita secondo l'autografo Codice Reginense latino 1527 // Rendiconti della Accademia di Archeologia. Lettere e Belle Arti (Società Nazionale di Scienze Lettere ed Arti, Napoli)*. Nuova Serie. 1972. № 47. S. 33–70.
25. Poliziano A. *Rime*, a cura di Natalino Sapegno. 2a ed. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1967. P. 126–130.
26. Pontanus Iovianus. *Сочинения [Электронный ресурс]*. URL: https://www.hsaugsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost15/Pontano/pon_intr.html (дата обращения: 18.12.2018).
27. Pontani de sermone libri sex. Eds. A. Lupi and A. Riscato Lucani // *Aedibus Thesauri Mundi*, 1954. P. 63.
28. Nespoulous P. Pontano et la plaisanterie // *Acta Conventus Neo-Latini Amstelodamensis: Proceedings of the Second International Congress of Neo-Latin Studies*. Amsterdam, 19–24 August 1973. Eds. P. Tuynman, G.C. Kuiper, E. Kessler. *Humanistische Bibliothek*. Munich: Fink, 1979. S. 803–819.
29. Toffanin G. *Giovanni Pontano fra l'uomo e la natura*. 2-ed. Bologna: Zanichelli, 1938. P. 21–35.
30. Tateo F. *Umanesimo etico di G. Pontano*. Lecce: Miella, 1972. 221 p.
31. Weiss R. *The Humanist Rediscovery of Rhetoric as Philosophy: Giovanni Pontano's Aegidius* // *Philosophy and Rhetoric* 13. № 1. (Winter 1980). P. 25–42.
32. Valerius Flaccus. *Argonautica*. Ed. Otto Kramer. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text> (дата обращения: 17.12. 2018).
33. Statius. *Thebaid* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theoi.com/Text/StatiusThebaid1.html> (дата обращения: 10.12. 2018).
34. Кагулл. *Сочинения / Пер. О. Славянки*. М.: Русская панорама, 2009. 384 с.
35. Манилий Марк. *Астрономика: Наука о гороскопах*. М.: Издательство МГУ, 1993. 140 с.
36. Soldati B. *La poesia astrologica nel Quattrocento: ricerche e studi*. Firenze: Sansoni, 1906. P. 229–253.
37. Yates F.A. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. London: Taylor and Francis, 2002.
38. Walker D.P. *Spiritual and Demonic Magic from Ficino to Campanella*. *Notre Dame* – London: University of Notre Dame Press, 1975. P. 75–84.
39. *Suidae lexicon*. Ed. A. Adler. Leipzig: Teubner, 1928–1938. P. II. P. 23–25.
40. Riviera della C. *Il Mondo Magico de gli Heroi*. Ed. J. Evola. Carmagnola: Arthos, 1979. P. 13–15.
41. Monti Sabia L. *Studi su G. Pontano*. Messina: Centro interdipartimentale di studi umanistici, 2010. 1258 p.
42. Grassi E. *Humanistic Rhetorical Philosophizing: Giovanni Pontano's Theory of the Unity of Poetry, Rhetoric, and History* // *Philosophy and Rhetoric* 17. 1984. № 3. P. 135–155.
43. Segal C. *Orpheus: The Myth of the Poet*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1989. 233 p.

**THE EXISTENCE OF THE MYTH ABOUT ORPHEUS AND ARGONAUTS
IN THE TRADITION OF ANTIQUITY AND RENAISSANCE:
FROM MYTHOLOGICAL IMAGES TO HISTORICAL ARCHETYPES**

Yu.S. Obidina

The article discusses the myth of Orpheus that was rediscovered during the Renaissance period and the historical features of existence and rethinking of the image of the legendary ancient poet and theologian in later sociocultural contexts. Of the two plots of the myth, traditionally used by the authors of antiquity and the Renaissance, the myth of Orpheus and the Argonauts, and the forms of interpretation of this myth in the intellectual life of the Renaissance, are considered. For this purpose, an analysis of the works of ancient and Renaissance authors is carried out, on the basis of which the mythological images of Orpheus evolved into various kinds of historical archetypes. It was concluded that the myth of Orpheus and the Argonauts, unlike the myth of Orpheus and Eurydice, was interpreted by Renaissance authors not only in the form of moral allegories, but also as a powerful archetype of the civilization process in the history of mankind.

Keywords: Orpheus, Argonautika, Valerius Flaccus, Giovanni Pontano, Argonauts, Renaissance.

References

1. Nil'sson M. Grecheskaya narodnaya religiya. SPb.: Aletejya, 1988. 218 s.
2. Gatri U.K.Ch. Istoriya grecheskoj filosofii v 6 tomah. T. 1. Rannie dosokratijcy i pifagorejcy. M.: Vladimir Dal', 2016. 863 s.
3. Proclus. The Elements of theology. Oxford: Oxford University Press, 1963. 349 p.
4. Platon. Sobr. soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1994. 654 s.
5. Gajus Valerius Flaccus. Argonautiques [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/valeriusflaccus.html>. (data obrashcheniya: 18.12.2018).
6. Ovidij. Lyubovnye ehlegii. Metamorfozy. Skorbnnye ehlegii / Per. S.V. Shervinskogo, vstup. st. S.A. Osherova. M.: Hudozh. lit., 1983. 512 s.
7. Vergilij. Bukoliki. Georgiki. Ehneida. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1979. 547 s.
8. Horatius Flaccus, Quintus. Ars poetica. Leipzig: Martin Landsberg, 1492. 16 p.
9. Marsilius Ficinus. Theologia Platonica de immortalitate animae (Platonic Theology). V. 1–6. Harvard University Press, 2001–2006.
10. Marsilius Ficinus. De vita libri tres (Three Books on Life, 1489) trans C.V. Kaske, J.R. Clarke. Tempe, Arizona: The Renaissance Society of America, 2002. 507 p.
11. Boccaccio G. Genealogie deorum gentilium libri. Ed. V. Romano. Bari: Laterza, 1951. Vol. 2. P. 433–908 p.
12. Warden J. Orpheus and Ficino // Orpheus: The Metamorphoses of the Myth. Toronto: University of Toronto Press, 1982. P. 90–238.
13. Marrone L. Il mito di Orfeo nella drammatica italiana // Studi di Letteratura Italiana. 1922. № 12. S. 119–259.
14. Buck A. Der Orpheus-Mythos in der italienischen Renaissance. Krefeld: Scherpe, 1961. 35 S.
15. Wilhelm J. Orpheus bei Dante // Medium Aevum Romanicum: Festschrift für H. Rheinfelder, eds. H. Bihler and A. Noyer-Weidner. Munich: Hueber, 1963. P. 397–406.
16. Friedman J.B. Orpheus in the Middle Ages. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970. 267 p.
17. Walker D.P. The Ancient Theology: Studies in Christian Platonism from the Fifteenth to the Eighteenth Century. London: Duckworth, 1972. 276 p.
18. Pirrotta N. Li due Orfei: Da Poliziano a Monteverdi. Torino: Einaudi, 1975. 472 p.
19. Dupont-Sommer A. Le mythe d'Orphée aux animaux et ses prolongements dans le judaïsme, le christianisme et l'islam. Accademia Nazionale dei Lincei: Problemi attuali di scienza e di cultura, 214. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1975. 14 p.
20. Hanning B.R. Of Poetry and Music's Power: Humanism and the Creation of Opera. Studies in Musicology. Series 2. № 13. University of Michigan Press, 1980. 268 r.
21. Capusan S. Orfeu: motivul permanentei in lirica Renasterii. Cluj-Napoca: «Dacia», 1978. 244 p.
22. Orpheus. The Metamorphoses of a Myth. Toronto: University of Toronto Press, 1982. 238 p.
23. Rietveld L. C. J. Il trionfo di Orfeo: la fortuna di Orfeo in Italia da Dante a Monteverdi Amsterdam: in eigen beheer. 2007. 445 p.
24. Monti Sabia L. La Lyra di Giovanni Pontano, edita secondo l'autografo Codice Reginense latino 1527 // Rendiconti della Accademia di Archeologia. Lettere e Belle Arti (Società Nazionale di Scienze Lettere ed Arti, Napoli). Nuova Serie. 1972. № 47. S. 33–70.
25. Poliziano A. Rime, a cura di Natalino Sapegno. 2a ed. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1967. P. 126–130.
26. Pontanus Iovianus. Sochineniya [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.hsaugsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost15/Pontano/pon_intr.html (data obrashcheniya: 18.12.2018).
27. Pontani de sermone libri sex. Eds. A. Lupi and A. Riscato Lucani // Aedibus Thesauri Mundi, 1954. P. 63.
28. Nespoulous R. Pontano et la plaisanterie // Acta Conventus Neo-Latini Amstelodamensis: Proceedings of the Second International Congress of Neo-Latin Studies. Amsterdam, 19–24 August 1973. Eds. P. Tuynman, G.C. Kuiper, E. Kessler. Humanistische Bibliothek. Munich: Fink, 1979. S. 803–819.
29. Toffanin G. Giovanni Pontano fra l'uomo e la natura. 2-ed. Bologna: Zanichelli, 1938. P. 21–35.
30. Tateo F. Umanesimo etico di G. Pontano. Lecce: Miella, 1972. 221 p.
31. Weiss R. The Humanist Rediscovery of Rhetoric as Philosophy: Giovanni Pontano's Aegidius // Philosophy and Rhetoric 13. № 1. (Winter 1980). P. 25–42.
32. Valerius Flaccus. Argonautica. Ed. Otto Kramer. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text> (data obrashcheniya: 17.12.2018).
33. Statius. Thebaid [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.theoi.com/Text/StatiusThebaid1.html> (data obrashcheniya: 10.12.2018).

34. Katull. Sochineniya / Per. O. Slavyanki. M.: Russkaya panorama, 2009. 384 s.
35. Manilij Mark. Astronomika: Nauka o goroskopah. M.: Izdatel'stvo MGU, 1993. 140 s.
36. Soldati V. La poesia astrologica nel Quattrocento: ricerche e studi. Firenze: Sansoni, 1906. P. 229–253.
37. Yates F.A. Giordano Bruno and the Hermetic Tradition. London: Taylor and Francis, 2002.
38. Walker D.P. Spiritual and Demonic Magic from Ficino to Campanella. Notre Dame – London: University of Notre Dame Press, 1975. P. 75–84.
39. Suidae lexicon. Ed. A. Adler. Leipzig: Teubner, 1928–1938. P. II. P. 23–25.
40. Riviera della S. Il Mondo Magico de gli Heroi. Ed. J. Evola. Carmagnola: Arthos, 1979. P. 13–15.
41. Monti Sabia L. Studi su G. Pontano. Messina: Centro interdipartimentale di studi umanistici, 2010. 1258 p.
42. Grassi E. Humanistic Rhetorical Philosophizing: Giovanni Pontano's Theory of the Unity of Poetry, Rhetoric, and History // Philosophy and Rhetoric 17. 1984. № 3. P. 135–155.
43. Segal C. Orpheus: The Myth of the Poet. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1989. 233 p.